

«ПРОЧИЕ ЖЕ... НЕ РАСКАЯЛИСЬ В ДЕЛАХ РУК СВОИХ...»

И все-таки «колпашевское дело» получило ход...

Странное это уголовное дело, невозможное, небывалое.

Следствие поручено прокуратуре Новосибирской области, так что меряется оно как бы областной мерой. Но по смыслу своему — это первая в истории нашего многострадального отечества попытка принудительного дознания по делу о преступлениях большевизма против своего народа и — преступном же — сокрытии их. Дознания, увы, почти негласного, незаметного, отгороженного от всего мира Уральским хребтом.

Ведет следствие невысокий большеротый человек в очках, симпатичный и добродушный, но с напуском серьезности. Человек, пожалуй, малопримечательный, если бы не хлесткая, выстрелу подобная фамилия, поразительная для прокурорского работника, — В. С. Абакумов. И те же самые инициалы, что и у расстрелянного заодно с Берией министра госбезопасности!

Эх, Колпашево, Колпашево!.. И в других случаях было оно столь же щедро не только на человеческую боль и страдание, но и на невеселую, с привкусом горечи усмешку.

Правоохранительная машина, задуманная когда-то идеологами большевизма лишь как средство подавления неугодных, вдруг вышла из повиновения, взбунтовалась, дала обратный ход и двинулась на тех, кому до этого служила верой и правдой.

Рано или поздно уголовное дело будет прекращено, следственная машина — остановлена. И судебный процесс не состоится. Формально — по сроку давности. Истинная же причина — потому что не сможет стерпеть КГБ, правоохранная хребтина государства, подобного плевка в свою сторону...

Сказать о Колпашеве и обогнуть при этом стороной Лубянку никак не получится — к радости т. Лигачева и прочих партайгеноссе, которые по большевистскому обыкновению не прочь спрятаться за спинами чекистов: это они трупы расстрелянных на Оби топили, с ними и разбирайтесь, а мы, партийные органы и советская власть, тут ни при чем.

Неправда это. Наследила партия Егора Кузьмича предостаточно.

Все важнейшие решения принимались в кабинетах партийных работников — его собственном и В. Н. Шутова, первого секретаря колпашевского горкома. Надзирать за работой чекистов прибыли его обкомовские секретари: А. И. Бортников, Е. А. Вологдин, П. Я. Слезко*. т. Вологдин, так тот вообще оказался в Колпашеве после жалобы в ЦК КПСС на чинимую властями мерзость. Основная работа по размыву берега, проделанная теплоходом ОТ-2010, была оплачена не из средств КГБ, а советской горисполкомовской властью, сам капитан теплохода был направлен из Томска в Колпашево по распоряжению... парторга речников В. А. Иванова (а прочее начальство лишь дало тому подтверждение).

Но — довольно, оставим в покое Егора Кузьмича, забыть бы о нем пора.

Статья была поставлена Владимиром Максимовым в 68-ой номер «Континента», сверстана, но в последний момент самовольно изъята при не очень понятных обстоятельствах директором фирмы «Аверс», издававших в течение года журнал в СССР. Была напечатана в книге «Колпашевский яр», Новосибирск, 1992 г.

Дать свое «добро» на действия КГБ тогдашний хозяин Томской области обязан был, но и собственные интересы чекистов в колпашевском деле налицо.

На глазах распадается, расплывается гнилой мешковиной коммунистическая власть, которая еще вчера казалась такой прочной. Но по-прежнему высится громада Лубянки в центре Москвы, по-прежнему каменно-непроницаема. А на фасаде — приятные люди в штатском из пресс-центра, Владимир Александрович Крючков с добродушным лицом садовода-любителя...

А если — опробовать странный, прижившийся у нас жанр публичного обращения к лицу — или, вернее, лицам — незаинтересованным?

Вдруг сладится невозможное — поговорить по душам, а?

Уже известно: шли тогда, в мае 1979 г., донесения в ЦК и т. Андропову, а в Колпашево приезжал некий генерал-майор КГБ из Москвы. Известно и то, что волновал КГБ обской берег в Колпашеве и до появления т. Лигачева в Томске, продолжает волновать и сейчас. И по сей день ходят по Колпашеву слухи, что ищут люди из КГБ какой-то сейф с документами, видели на берегу переодетых в спортивные костюмы чекистов с миноискателем, среди которых был и бывший начальник горотдела КГБ В. Н. Копейко (а на самом деле, по словам следователя Абакумова, искали оружейный шкаф с приличным боекомплектom, оставленный «на черный день» их старшими товарищами. Вот ведь незадача! И оружие бросить на произвол судьбы нельзя, и берег всерьез перетряхнуть страшно — мало ли что там еще...)

Но прежде чем толковать о частностях, хорошо бы людям чекистского ведомства понять главное: поругание колпашевских могил — это не пустячный эпизод, о котором завтра будет забыто. Покуда будет стоять Лубянка, будет ей припоминаться Колпашево. Да и потом, когда от Лубянки останется только прах, — не забудется. Уж больно символично случившееся каждой своей непридуманной подробностью.

И тем, что земля наша сохранила останки жертв синепогонников. И тем, что река поменяла русло, смыла несколько сот метров берега, сама открыла следы их изуверства. И тем, что случилось это в самый первомай, итожа тем самым век победного шествия марксизма по умам и головам людским, да еще в канун того самого года, когда, по торжественному партийному обещанию, должна была страна откусать обещанного светлого будущего...

Даже в мелочах виден смысл.

Берег обвалился 28 или 29 апреля, и о том уже на следующий день успел сообщить «Голос Америки» или какой-то другой, но в Колпашеве еще *не началось*, даже милиция на вызов не выехала, не поверила, еще не срок был *начаться*. И лишь когда колпашевское и томское руководство взгромоздилось на трибуны, поставило себя под коньячные пары, когда простодушные работяги с нетрезвыми возгласами понесли мимо стяги и транспаранты, только тогда и ухнуло им по головам: отверзлась могила, бессловесные нарымские мертвецы, чьими телами на праздничные трибуны и выложена дорога, тоже собрались на демонстрацию, на *свою* демонстрацию, им тоже есть что сказать о победном шествии коммунистической идеологии.

Нет, не просто колпашевский берег обвалился, это кусок Советской России, которая вся стоит на костях, ушел в воду — и вмиг стало видно, что же у нас под

ногами, на чем стоит социалистическое наше отечество... И понадобилось держать ответ перед убитыми: что нам до останков их?

Тогда, в мае 1979-го года, партия и госбезопасность свой выбор сделали. Тихий пенсионный покой убийц был поставлен превыше законов человеческих.

И были расставлены все точки.

И все было выявлено на деле.

И уже не надо пустой болтовни, что кадры в органах свежие, грамотные, которые не допустят... и т.д. — все знают, какой словесный гарнир в таких случаях накладывают с верхом.

Мясо, может быть, и новоеросло, да косточка прежняя.

Не надо и другой неправды: будто уничтожение тех могил было как бы несчастным случаем, нечаянной отмашкой. Мол, произошло все неожиданно — вот и надо было делать что-то. Доподлинно известно, что задолго до 1979-го года приезжали в Колпашево спецкоманды уничтожать могилы.

В 1965-ом — бурили скважины, засыпали негашеную известь, закачивали воду. В 1968-ом — вместо извести использовали уже какие-то фотохимикалии, причем сами же гебешники на технике работали — значит, *опыт имели?* Все тот же следователь Абакумов сказал: «после этого в могилах ничего не остается, а там, в Колпашеве, грунт оказался особым». Снова — сама земля подвела. Прострелила куда-то вглубь химикаты — а тела уберегла.

(Чекист-расстрига т. Калугин на встрече с редакцией «Нового мира» осенью 1990 г. сообщил и того более: что в КГБ есть специальные подразделения по уничтожению захоронений. Да, воистину удивительное следствие: вменяется в вину чекистам то, что они прямые свои обязанности исполняли — и в 37-ом и в 79-ом!)

Сотрудники госбезопасности немало потрудились в Колпашеве, чтобы было все шито-крыто. А обской берег не давался. Вымыли буксирами три ямы, перемололи тела винтами, искрошили веслами, перетопили с грузами на стремнине. Успокоились. А Колпашевский яр — еще тридцать метров отвалил от себя. И еще три ямы высвободил, уж тут не удержать, уж тут целая дивизия ГБ понадобилась бы, вот тогда-то и понесло трупы до самого Ледовитого океана...

А финал размыва каков! Перепугавшись, что еще могилы остались, продырявили бурстанками берег, отыскиали что-то, какую-то *органику* — и снова вгрызлись кормой в яр, где прежде стоял Нарымский окротдел НКВД. А поруганный берег им туалетную яму выдал: нате, получите дерьмо, оставленное вашими предшественниками!

Что творилось с мертвыми телами — отдельный разговор. В один голос свидетели говорят: мощи расстрелянных, хоть и сплющены они были под бременем могилы, можно было и опознать. И это не все. Попав в реку, напившись воды, тела становились *недавними*, давали трупный запах, их принимали за утопленников. Следователь колпашевской прокуратуры Н. П. Москвичева в одном таком случае поступила *нормальным* образом, соответственно должности своей и долгу: попыталась возбудить уголовное дело. Не дали. Не велели. (А не велел областной прокурор А. И. Князев, который в Томской области только т. Лигачеву и подчинялся). Наоборот, делали правоохранительные органы нечто противоречащее здравому рассудку и совести: уничтожали следы массового человекоубийства.

И на первых ролях были бойцы невидимого фронта, офицеры КГБ: К. М. Иванов, Н. И. Петроченко, В. Н. Копейко, Г. П. Бусыгин, И. Н. Троян, Н. А. Татаркин, Д. П. Давыдов... Сюда же надо добавить и тех, кто причастен к тем, первым, попыткам уничтожить эти могилы на Колпашевском яру: В. М. Миклин, Г. И. Макогин. Это все начальники и их замы — и области, и города. А гебешный молодняк — кто ж сочтет? Оторопь берет, когда видишь, что десятки людей при должностях из столь *серьезной* организации были в той или иной степени причастны к могильному мародерству. Было оно, естественно, не глумливой их прихотью, а государственной политикой — и в этом смысл.

А гебешники что? Они ведь люди военные. Что им прикажут, то они и делают. Какой с них спрос. Без дисциплины армия не стоит.

Так и должно быть, да?

... в те майские дни, казалась, сама судьба схватила за руку бывшего замначальника УКГБ Никиту Алексеевича Татаркина, пытаюсь удержать его от мародерства (а именно он первым из старших чинов томского УКГБ прибыл в Колпашево). Жестоко, строго обошлась, напоминая, что мертвых надо хоронить по-христиански: у Татаркина умерла мать. Пришлось лететь на похороны. Неужели не ёкнуло тогда творилось на душе?

С самого начала могила на яру была в три слоя крыта ложью. Как только томское УКГБ не изгалялось! Про что только чекисты не толковали!

И про дезертиров, которые будто бы там были захоронены.

И про колчаковскую тюрьму, будто бы стоявшую на том месте (а значит, могилы — с колчаковских еще времен, да только непонятно, зачем же героев-партизан — с навешанными металлическими болванками топить в реке?)

И про кулаков-бандитов, расстрелянных там... На самом деле: речь шла о несчастных выселенцах, возмущившихся против большевистского живодерства, когда в здешних местах людей тысячами умышленно морили голодом на пустынных островах (так было, например, у села Назино). Да, были возмущившиеся, и их действительно убивали (к слову, делал это собственноручно и Долгих-отец, многие еще не забыли его сынка, которому папенька кровью выстежил дорожку в Политбюро. Но убивать-то убивали (и хорошо бы страдальцам памятный камень поставить), да не здесь. Нарымский окротдел НКВД на том месте, где были обнаружены могилы, появился несколькими годами позже.

Примечательно и архивное шулерство. По расстрельным делам тридцатых годов у них будто бы документов нет, зато вмиг выискали бумаги по банде некоего Колотовкина, в 1930 г. расстреляно было 13 человек (по другим данным — 28). И с той бандой тоже не мешало бы разобраться. Что за банда? кого ж она могла в разоренной большевиками Сибири грабить? или эта так называемая банда — все те же восставшие против большевизма крестьяне?

Но сейчас о другом скажем. Архивы — одни. Годы — все те же, довоенные. Так почему *эти* дела целы, а *те* исчезли? Где акты о списании? Да и кто поверит, что чекистское ведомство, всегда сверявшая лояльность граждан с их родословной, что-то в расход вывело?

Хватит неправды. Если в могиле — единая спрессованная груда тел, среди которых женщины и дети — да, и дети, и такие свидетельства есть — заверенные

письменно, сказанные в телекамеру, и свидетели эти еще будут услышаны и увидены! — то причем тут дезертиры? Если в братских могилах одежда тридцатых годов — то причем тут Колчак?

А КГБ врет. Врет А. В. Машков, нынешний заместитель начальника УКГБ по Томской области (про колчаковцев — его слова). Врет В. Н. Копейко, когда говорит правдинскому собору В. Е. Черткову про 90 трупов «каких-то бандитов» в могилах, и тот делает вид, что иного не слышал, и делает вид, что верит бывшему начальнику колпашевского горотдела КГБ, перешедшему с повышением в то же областное управление («Правда», 11.05.89). Смею так определенно говорить, что врет, не ища словесных смягчений, поскольку тогдашний его личный шофер, В. К. Старков, свидетельствует, что *только он лично захоронил порядка ста трупов*.

И тут надо разъяснить, что хоронить (вернее — закапывать) приходилось лишь те людские останки, которые сохранились (а из первых трех могил в двух были кости и только в одной — трупы), не были размолоты винтами, не были перехвачены на реке и не были утоплены, а выскользнули из запони, сооруженной из плавающих бревен, выплыли, были выброшены на берег и — несмотря на безлюдье здешних мест — найдены.

А ведь бывало и так: вызывали милицию «на утопленника», а она, устав от весьма странного, согласитесь, для нее занятия: укрывать чьи-то преступления — и выездами на место себя и не утруждала...

Неужели т. Копейко, чьим неотъемлемым профессиональным качеством должно быть любопытство, всем этим у собственного шофера не поинтересовался? Да и начальник спасательной станции А. Н. Потекин, которого т. Копейко, подняв с постели в шесть утра, по-приятельски попросил «помочь» и который из дружеского участия на себя взял грех утопительства, говорит определенно о сотнях, тысячах трупов.

Покойный Ю. М. Куксенко, один из работников ГОВД, привлекавшийся к утопительству, говорил: полторы тысячи.

Бывший работник КГБ А. И. Спраговский, занимавшийся в конце 50-х годов реабилитационными делами по Колпашеву, невинные жертвы там исчислял тысячами.

Еще раз к совести правдинского собора В. Е. Черткова взываю (если осталось что под партийным коленкором): что ж вы даете возможность т. Копейко лгать — про дезертиров, бандитов и пр. — а вот слова покойного ныне Б. Е. Меринова (у т. Черткова — Конькова), который и время расстрелов — по март 1938 г. — указал, и планы могил начертил (три рядом с тюрьмой, да еще в камерах, в подполье), и возможность захоронения в тех могилах дезертиров *категорически отрицал* — упустили? и почему ж *списали*, не отдали людям заинтересованным полученную почту, где настоящей правды было как раз много?

Но сейчас речь не о журналистах, а о КГБ. Так и хочется нижайше попросить председателя: прикажите своим офицерам не врать! Ведь у него должность такая — приказывать....

Наверное, сегодня у кого-то из чекистов ностальгическая грусть по временам уходящим, по выведенным из употребления известным статьям УК,

которые бы могли известной категории граждан известным образом ограничить свободу передвижения. Чтоб не ездили по Сибири и не болтали потом лишнего.

Что ж, я и о своей досаде скажу. Раньше говорил, и впредь без устали повторять буду. Чтобы мысль эта проходной, избитой истиной стала. Чтоб каждому председателю КГБ она — как гвоздь из его председательского кресла.

А мысль следующая.

Есть в УК странная статья, 189-ая, об ответственности за сокрытие преступлений. Могла она объявить преступницей, к примеру, и мать, которая не смогла донести на родного сына, повинного в уголовном деянии. Но зато ни разу она, оставаясь глухонемой, не оборотилась на власть имущих, когда те скрывали преступления своих предшественников, от которых им по наследству власть перешла.

А ведь принимая наследство — принимают и долги. И по-другому не бывает.

Партия, которая готова любую могилу оплевать, хоть бы там и отец был зарыт — лишь бы ее большевистская утроба набита была — может, конечно, не признавать тот чудовищный погром, который она учинила в России, геноцидом, преступлением против собственного народа, преступлением против человечности. Но в глазах истории этот вопрос давно решен.

И значит — нет ему срока давности. Значит — преступно скрывать документы об этих преступлениях. И когда офицеры госбезопасности прячут их в архивах — они в глазах людских совершают преступление.

И не чувствуют угрызений совести, да и не могут их испытывать — ведь они всего лишь выполняют приказ.

Живет в закрытой зоне Томска-7 пенсионер Сафрон Петрович Карпов, в органах НКВД-НКГБ-МГБ служил с 1935-ого по 1956-ый год, изрядный срок — в Колпашеве, причем в самые расстрельные годы. Трудился служивый и по следственной части, и по начальнической. Знаю по крайней мере про одно обвинительное заключение по делу «террористической эсеро-монархической повстанческой организации», подписанное им собственноручно. В целом по делу этому народа было репрессировано уйма (пришлось чекистам выдумывать даже деление на роты и полки в этой очень странной, если судить по названию, армии).

«Повстанцам», которые были выявлены бдительным Сафроном Петровичем, стреляли в затылок из нагана (или — по отдельным свидетельствам — из мелкокалиберной винтовки), трупы сваливали в ямы, вырытые во дворе нарымского окротдела НКВД, и пересыпали мертвые тела хлоркой, как того требовала старая медицинская инструкция ОГПУ. И вот они-то весной 1979 г. поплыли по Оби.

А на реке в это время в одной паре вместе с упомянутым уже В. К. Старковым, личным шофером начальника горотдела КГБ, трудился некто Н. Е. Мельник, оперуполномоченный. Привешивал металлические болванки к трупам, «сделанным» стариком Сафроном Петровичем.

А ныне Н. Е. Мельник — начальник отдела КГБ той самой закрытой зоны Томска-7, где Сафрон Петрович прячется. То есть теперь — назовем вещи своими именами — т. Мельник охраняет покой пенсионера (к слову, и томский прокурор

т. Крутов, который в свое время отказал в возбуждении уголовного дела, одно время в той же закрытой зоне за законностью надзирал).

Я-то готов поверить, что не испытывал гебист чувства глубокого морального — так скажем — удовлетворения, когда топил трупы, и не испытывает его сейчас — когда вменен ему в обязанность спокойный сон Сафрона Петровича. Готов даже допустить: тошно ему от всего этого. Но живет организация за каменным лубянским фасадом по своим собственным законам и первым делом озабочена защитой своих интересов (не покровишь предшественника — себе жизнь осложнишь, раз себя этим замарал — и молодняк надо за собой в ту же лужу, чтоб не подсидел), а мы тут в детские игры играем: гласность, перестройка...

Обеспокоил, правда, пенсионера Карпова следователь О. В. Куренков, когда томское общество «Мемориал» стало добиваться разбирательства по колпашевским событиям. Но для этого пришлось следователю самому приехать к пенсионеру на дачу в Петропавловку, а тот, с неудовольствием от грядок оторвавшись, от следователя — как от назойливой мухи — отмахивался. Да, подписал обвинительное заключение, потому что начальника, дескать, не было, а кто их сочинял — не помню, запомывал, и про расстрелы мало что ведаю, это все старые партийцы, а я даже допросов не вел...

...а хотите — дам адресок человека, которого садовод-любитель лично «потрошил»? Выкарабкался из колпашевской ямы: дали только десять лет Колымы и пять лет поражения в правах.

Конечно, не все эти тихие старички-пенсионеры так хорошо устроились, за забором. Но и прочих не больно потревожишь вопросами, которые бы могли взволновать их старые чекистские души. Вот живет в Томске, не бедствует Абрам Исаакович Лев. Чистенький, вылизан до блеска мужеподобной супругой. Голова Абрама Исааковича — перезрелому увесистому огурцу подобна. Бодро торчит седой ежик. Говорить отказался наотрез, скислился: здоровье, мол. Действительно, ходит как бы с трудом, демонстративно штаны одной рукой поддерживает, но глаза умные, трезвые, настороженные, испуганные, злые.

Да только боится он зря. Разве ж *свои* в обиду дадут?

Перед лицами должностными Абрам Исаакович даже отчасти откровенен: да, вел следственные дела по 58-ой, да, уничтожал врагов народа, но ни фамилий, ни конкретных дел этих упомянуть не может. Словно какую-то давнюю инструкцию — помалкивать — выполняет. Орудовал он, правда, в Томске. В Колпашеве бывал только в командировках, да и то, якобы, лишь с 1945г. Да ведь определенно врет — потому как помнит Мартона, который был начальником Нарымского окротдела НКВД в 1937г. и тогда же был репрессирован. Вот и повод в очередной раз поплакаться гебистам: ах! сами чекисты пострадали! аж двадцать тысяч! как поредели ряды! лучшие и самые достойные погибли!

...по свидетельству бывшей домработницы Иштвана Иштвановича (или — Степана Степановича) Мартона — «лучшим и самым достойным», естественно, полагались домработницы, — приходил тот после расстрелов в пять утра: красный, взвинченный, с глазами навывкат. А в пять вечера любвеобильный Мартон лобызал домочадцев — и снова шел со своими овчарками на «работу»,

которая была тут же, в двадцати шагах, через дорогу. Там уже все было наготове: и отрытые ямы, и хлорка...

Мартонова домработница знала, судя по всему, немало. Когда обносили могилы забором — с большим запасом, не зная ни точных размеров, ни точного места — она место это определенно указала. Не поверили. А указано — как потом выяснилось — было верно...

Жаль, что след этой женщины затерялся.

Еще одно свидетельство мимоходом, парикмахерши того же ведомства: кормили заключенных гнилой капустой, своих же псов начальник откармливал ворованным на кухне мясом...

Впрочем, Мартон выкрутился. Его в Колпашеве коллеги в яму не свалили и хлоркой не посыпали, хотя были и такие, сами же туда и угодили. Например, его собственный заместитель Суров. Тоже ведь: самый лучший и достойный...

Интересный двойной счет у госбезопасности: одни и те же люди проходят то по графе «пострадали», то по графе «наказаны».

А выкрутиться Мартону, кстати, помог его дружок, уже упомянутый Долгих-старший. После короткой отсидки Мартон поехал к тому в Южкзбаслаг, где приятель ему и отбелиться помог и новую партийную ксиву выправил...

Но нет у меня цели перечислять поименно всех колпашевских палачей. Это два-три штриха, чтобы отчетливее было видно, *что* офицеры КГБ покрывают и *кого* они покрывают.

Ложь! Люди любознательные и совестливые о многом уже дознались. Вот Василий Ханевич из Томска составил мартиролог на погибших одного-единственного сибирского села Белосток, где жили переселенцы из Гродненской, Витебской и Виленской областей, белорусы и поляки. Свозили из Белостока людей в Колпашево, а уж там их чекисты убивали, выполняя спущенную сверху большевистскую разрядку по живодерству (и Сафрон Петрович Карпов был в их числе, и рота каких-то «командированных», потому что трудно было местным кадрам осилить партийных планов громадьё).

Хотите поименно узнать тех, кого чекисты сначала убили, а потом утопили? А то ведь мы все на миллионы, да на миллионы. За статистикой живых людей не видно...

Подряд — по алфавиту.

Артиш Осип Осипович,
Артиш Болислав Осипович,
Артиш Иван Иванович,
Артимович Адам Осипович, ..

А может быть, на какую-нибудь другую букву? Пожалуйста!

Маркиш Петр Фадеевич,
Маркиш Николай Игнатьевич,
Мазюк Ипполит Михайлович,
Мазюк Павел Михайлович,
Мазюк Антон Михайлович...

И дальше мог бы продолжать. Все эти люди были расстреляны в Колпашево в один день 14 мая 1938 года. *А всего в этот день в Колпашево по одному «делу» с белостокцами были убиты 47 человек!* И это только те, чьи фамилии удалось установить Ханевичу — низкий ему поклон. Может быть, погибших было и больше. Проявить любопытство председателю КГБ (но это при наличии совестливости) совсем несложно: уголовное дело № 830 458 в трех томах на жителей села Белосток хранится в архиве КГБ в Москве.

(Когда подобный список по неизвестному такому сельцу перед глазами, у всякого первая мысль: другая война, но без обелисков. Великая отечественная трагедия).

Но это одно дело и одно село, а ведь шли в Колпашево этапы, плыли баржи со всего необъятного Нарымского края. И кроме местных, челдонов и остяков, было немало и других, кого валили в колпашевские ямы. Спецпереселенцы, административные ссыльные... Крестьяне с Алтая, питерцы, бывшие политические деятели...

Кто здесь только не перебивал! Ближе к войне — эстонцы, латыши, потом — немцы с Поволжья...

Есть, есть о чем рассказать архивам КГБ!

Для начала — хотя бы о Колпашево правду открыть — это ведь весь гиблый Нарымский край, это немалая доля нашей российской беды.

Кое-какие вопросы поднакопились...

Где материалы, касающиеся уничтожения могил в Колпашево (в том числе — фотографии, которые *в большом количестве* были сделаны тогда сотрудниками госбезопасности)? Кто, когда и при каких обстоятельствах (еще в 1965 г.) обратился к руководству КГБ с предложением ликвидировать колпашевские могилы? Кто отдал приказ об этой акции? Какова роль Ю. В. Андропова, которого, по свидетельству бывшего секретаря томского обкома партии А. И. Бортникова, информировали о колпашевских событиях? Что за московский генерал КГБ в мае 1979 г. навесил Колпашево? Верно ли, что именно ему, как утверждает один из тогдашних работников милиции, принадлежит идея топить останки расстрелянных в Оби? Использованный в Колпашево способ уничтожения захоронений — бурению скважин с засыпкой туда химикалий — *обычный*? Где еще подобным образом уничтожались братские могилы? Что за спецподразделения существуют для этих целей?

А можно и обобщить.

Не странность ли: срок давности на преступления существует, а на архивы — все недосуг определить? Будут ли открыты дела против старых сотрудников НКВД, где технология репрессий документально представлена в виде геноцидных *разнарядок*? Кто, когда и при каких обстоятельствах дал распоряжение в ходе «хрущевской» реабилитации фальсифицировать места, даты и причины смерти расстрелянных? Почему из расстрельных дел НКВД вырваны фотографии? Какого рода архивные материалы уже уничтожены? По чьему приказу? Где акты о списании?

А ведь и правда, если председатель прикажет своим офицерам на эти вопросы ответить, то они ответят. Они ведь люди военные, они обязательно выполняют приказ...

Но это вопросы из легких — было бы желание отвечать.

А есть и потруднее — и без них к Колпашеву возвращаться не стоило бы.

Что нам до людских этих останков? кладбище ли это, где должно царить уважение к убиенным, где самая смерть принимается как вечное и важнейшее для человека таинство, или это *могильник*, открытый, заполненный и заваленный землей по инструкциям санитарной службы?

Довелось мне в Колпашеве держать в ладонях череп с двумя стреляными дырами в затылке. Сочтете за красоту, но все-таки скажу (потому что так тогда и чувствовал): я в тот миг несчастливую свою родину через две эти пулевые пробоины увидел. А тот череп, что был в руках моих, осознал как плату за свое скудное жизнеустройство, за долгое тихое послушание, за душевную несмелость, за неохотное и лицемерное свое хождение на комсомольские собрания, за умножаемую собственным молчанием ложь.

НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ...

А вот *эта* человеческая жизнь и была платой за будущее, которое обещало быть таким розовым, когда время слегка отмоет кровь.

И сегодня на душе гнет.

И сегодня беспрестанно в мыслях к Колпашеву возвращаюсь.

И сегодня не могу дальше Колпашева пройти.

Значит, и мне о Колпашеве не удалось сказать должного. Слов ли не хватило? понимания? сухость языка одолела?

Разъезжая по Европе, романтики организованного классового террора, сочиняли статейки с рецептами человекоубийства. В России теорию опробовали, одну из чекистских живодерен устроили в Колпашеве — и завалили ямы расстрелянными. На этом революционной романтике пришел конец. И вот держателям, хранителям, толкователям и продолжателям ленинского теоретического наследия вместе с властью и казенным комфортом, достались по наследству же и ямы, набитые пересыпанными хлоркой трупами.

Именно так и должно было быть. Это естественно и неизбежно. Это *нормально*. По-другому быть и не могло. По-другому — было б даже несправедливо.

Что ж, надо признать, что учиненное госбезопасностью мародерство было закономерным. Потому что не может человеческое естество не противиться, когда из него делают соучастника чужих преступлений. Потому что неизбежно всякой неодеревенелой душе определиться: по силам ли ей нести далее бремя коммунистического грехопадения и душегубства, на котором стоит наше государство? согласна ли она принять массовое жертвоприношение во имя сегодняшнего ее убогого соцкомфорта?

А значит, госбезопасность, сутью своей предназначенная охранять это государство, лишь удержанием в неведении и темноте людских умов могла еще уберечь от развала построенную на крови и на многоязычной лжи коммунистическую вавилонскую башню.

В падении в пропасть есть своя логика — упасть еще ниже.

Во лжи — дойти до еще большей низости.

Но есть своя логика и в стремлении любого ростка вырваться из темноты, пробиться из-под камней к свету. Это логика живого, в которой мало логики как таковой. Это — простое желание жить.

А жить по прежним меркам после Колпашева, когда вот так неожиданно-негаданно просветило людскую память, нельзя. Да я и по себе могу судить — дорогу эту прошел. Когда в 87-ом взялся писать о Колпашеве, так и шел несмелый мой ум по ней шаг за шагом. От сухой объективности, с какой делают статистику, — к живым людям. От частных обстоятельств — к посильным обобщениям. От обобщений — к личной причастности.

И всякий на моем месте тот же путь проделал бы.

И позже, когда уязвленная Колпашевым память снова и снова возвращалась к тому же обскому берегу, к тем же людям, когда искал про себя — не на бумаге — новые слова, которые были бы точнее, нужнее, значимее, когда неотвязные мысли шурупом ввинчивались, ища упора, вглубь — тогда понемногу приходило понимание, что в том уголке Сибири виден лишь край великой общей беды.

И желанного, спасительного упора, оказывается, нет.

Там — провал, откуда глухим эхом услышится досадная правда всякому, кто пожелает ее знать. Что, если бы и мне было поручено — болванки к телам крепить? Отказался бы? А если ты — милиционер-безлошадник? если в твоей комнатухе для тебя и собственного угла нет, потому что в одной кровати, а в остальных трех — жена с детишками? если одна надежда — через верную службу выручиться? Отказался бы?

Или все ж — цеплял бы болванки, топил бы трупы?..

Уж во всяком случае не имеешь права торопиться с ответом.

Это сейчас ты такой умный и бесстрашный, 36-летнее дитя перестройки, садоводов-любителей из ГБ смеешь вопросами беспокоить...

Такая вот правда — как пощечина, как плевок из нашего общего рабского вчера, от которой кровь бросается в голову и нет мочи удержать себя... Да за что ж мы такому унижению подверглись? и почему терпели?

С Колпашева для меня новый отчет времени начался, с той поры не могу отделаться от ощущения, что все пятьдесят с лишним томов партийных книжек т. Ленина смердят трупным зловонием, которое не перешибет никакая хлорка. Не это последний и главный итог, но и это итог Колпашева. С тех пор — никакого пиетета ни к гнилому чучелу вождя, ни к его мраморному моргу на Красной площади.

После Колпашева отрезвился окончательно: будь оно проклято, это сатанинское лжеучение, не принимаю! не верю ни в какой социализм с человеческим лицом — кроме как с палаческой харей, распаленной докрасна выданным спиртом! И лишь немногие излишне наивные или животом и седалищем заинтересованные теперь в это поверят.

В истории коммунизма Колпашевым последняя точка поставлена.

Если русского человека забрить наголо, то пониже темени или ближе к виску, на том месте, куда обыкновенно метят палачи, обозначится родимое пятно. Племя наше, чудом не самоистребившееся вконец, клеймено и отравлено большевистским душегубством на многие поколения. Пулей, убившей одного, клеймены сотни и тысячи. И ведь нам так — еще жить, со свинцовым грузом тихого страха и рождаемой им ненависти в мыслях...

Есть ли мера тому страху перед госбезопасностью, что изъел человеческие души за годы коммунистического благоденствия? и много ли мяса успело нарасти на изглоданные чекистами кости за эти последние смутные годы либерализма?

Пять лет назад я впервые услышал о Колпашеве. То были неясно, неохотно, вполголоса рассказываемые истории вперемежку с настороженными встречными вопросами: а зачем тебе это? собираешься написать? а где будешь публиковать? там? а ты не из КГБ? Пуганый наш народ саму память о Колпашеве ощущал бременем, опасностью, предвестником беды.

Милейшая Галина Михайловна Никифорова, потерявшая на яру отца и излившая в разговоре со мной, казалось бы, всю накопившуюся за долгую и несладкую жизнь боль за его гибель, за гонения, за поругание его могилы, вдруг замкнулась, когда я захотел взглянуть на его фотографию.

«Все забрали при обыске, еще тогда, в сентябре 37-го».

И лишь через два года узнал: осталось несколько фотографий.

Испугалась. Побоялась: отниму то последнее, что осталось. Пригрезилось, что и я — *оттуда*.

Перевелись, конечно, в КГБ те ворошиловские стрелки, что умели из винтовки одной пулей пробить три черепа у стоящих над ямой. А журналисту — уж если говорить о пишущей публике — надо очень постараться, чтобы навлечь на себя гнев крючковых, одних седых преданий сталинской старины далекой тут маловато.

Вот если бы журналистский нос залез в гебешную коммерцию — что за новые совместные фирмы вылазят на свет? чем торгуют на Западе, что продают? где оседают денежки? — вот тогда другое дело, тогда бы быть ему, любопытному, с выдранными ноздрями.

А все-таки страх сидит — и у тихого обывателя.

Страхом тем истреблено человеческое достоинство.

Страхом тем приучены к дикости.

Среди какого народа будут жить наши дети? Среди того, который, не ведая стыда, ходит по могилам? который и сейчас в доме своем держит пепельницы из черепов? да, есть в Колпашеве и такое...

И — сам будет частью этого народа.

«...огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их.

И сказал я: на долго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и не останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет» (Ис. 6, 10-11).

Увы, и мне, как и многим, не дано было испытать от православной нашей общей чаши, обнесли с рождения. И теперь уже нелегко воспитать в себе то, что должно было с детства стать душевным естеством твоим.

Хотелось бы душе в церковь, да ноги не идут...

Родимое пятно, ту отметину кровавую на затылке я чувствую — и в том, что в отрицания бесовщины и дикости говорю тем же отравленным страхом и

больной ненавистью языком, и в том, что по-своему сортирую людей, приставляя к иным фамилиям маленькое «т.» — словно сплевывая мимоходом...

Не надо, не надо так... А как — надо?

Читаешь едва понимаемые строки Писания — только тогда в душе светлеет. Таким языком должно сказать о Колпашеве — чтобы всякий мог прочувствовать поистине библейский смысл происшедшего там!

Живет в Томске добрый христианин Вильгельм Генрихович Фаст, из менонитов, но ушедший корнями в русскую землю и принявший православие. С завидным христианским терпением вместе с женой Ниной Поликарповной собирал крупинцы правды о Колпашеве. Изрезан врачами, без желудка — и сейчас продолжает свое тихое и верное дело.

Я ему по-доброму завидую — потому что он не ожесточился.

Потому что не добавляет в этот ожесточившийся мир нового ожесточения. И даже о бесовщине ленинизма скажет не теми словами, которые из меня рвутся — осиным роем.

Нет, не надо, не надо так...

А иначе — не получается. Расчеловечен, понимать слова Писания дается с трудом.

Даже хотел бы перед Вильгельмом Генриховичем повиниться: читал его «Открытое письмо» к осквернителям колпашевских могил, позволил себе снисходительность к увещательному духу его. Посчитал литературной неискушенностью. Разочаровался, что не нашел выказанную в слове силу. Потому что самому понадеялось куда как вернее искать солженицынских проломов, чтобы выбраться из катакомбных потемок на свет. Теперь вижу: нет!.. и этим, неподъемным, не стоит подменять главное.

На русской земле нашим детям жить вместе.

И страшно думать, что жить им придется среди полулюдей, способных надругаться над могилой тех, кто был оболган, убит и еще раз оболган, *во благо* всем нам, ныне живущим. Страшно, что сами они невольно возьмут то же выражение лица... Жаль мне свою дочку, потому что не могу дать отеческого душевного дома. Где было б ей место, куда б тянуло ее потом всю жизнь.

Душевный неуют тяготит. На том месте, где должна была стоять церковь, нет ничего. Разорение, пепелище.

Холодно, пусто...

Кто-то из своевременно, еще до революции прозревших социалистов — Струве? — сказал, что марксизм для русского народа — род духовной сивухи... Вот и наступила эпоха исторического похмелья, которую стыдливо поименовали перестройкой.

Россию надо бы крестить заново, Россия еще ждет новокрещения. Неискренней и несмелой патриаршей Церкви, все эти годы озабоченной самоохранением себя, а не души народа, нет ни веры, ни надежды...

Трудно жить дальше. Дышать трудно.

Может, офицерам госбезопасности — легче? Вот отдадут приказ — быть людьми, очеловечиться, — и они-то его исполнят, в отличие от нас, простых смертных с незащищенными затылками.

Ведь они люди военные, им не полагается нарушать приказ...

А как быть остальным, у которых ничего за душой не осталось, даже армейского устава?

Неужели ты оставил наш народ, Господи?

декабрь 1990 г. – январь 1991 г.

Р.С. В январе 1991 г. «колпашевское дело» перекочевало из Новосибирска в Москву, прошло через прокуратуры РСФСР, Союза, Главную Военную прокуратуру, чтобы в итоге вернуться в Новосибирск, но – в прокуратуру Сибирского военного округа. В самый дальний, самый темный угол... Неужели – конец?

Увы, тому симпатичному следователю из Новосибирска, однофамильцу кровавого палача, не хватило настойчивости и смелости продвинуться дальше, поторопился отпихнуть дело от себя. Уж слишком много политики... Постановление сформулировал осторожно (действия таких-то «подпадают под признаки преступления, предусмотренного статьей 170¹ УК РСФСР»), о руководящей и направляющей роли известной общественной организации как-то умолчал, замаял, кое-что и вовсе непростительным для следователя образом напутал...

Но и за проделанную работу, положив руку к сердцу, я бы сказал спасибо. Благодаря его усилиям в деле появился увесистый второй том с ценными свидетельствами, которые сами за себя скажут, «подпадает» ли вся эта история «под признаки» не слишком строгой статьи УК о должностных преступлениях или же это есть сама история с большой буквы, трагическая история уничтожения и унижения нашего народа.

Допрошен Ким Михайлович Иванов, бывший начальник Управления КГБ по Томской области, один из тех, чьи действия «подпали». Хотите знать, как живет генерал-майору КГБ в отставке? Неплохо, очень неплохо. Теперь он – начальник управления по обслуживанию иностранных представительств, аккредитованных в Петербурге.

Допрошен незабвенный Егор Кузьмич Лигачев, поймать которого на очевидном вранье у московских следователей, которым было передано соответствующее следственное поручение, духу все же не хватило. Но поверим ему в главном: вопрос об уничтожении колпашевского захоронения был согласован и с Андроповым, и с Суловым.

Вот ведь как отразилась в обской воде сулово-андроповская эпоха, к которой прилипло название брежневской...

Назван Кимом Ивановым и тот другой генерал-майор, что был послан тогда в Колпашево т.Андроповым – А. И. Фокин. Генерал-майором он был в 1979 году. А сколько генеральских звездочек у него сейчас? Ведь он до сих пор – в чекистских рядах, потому и передано дело в Главную военную прокуратуру.

Но не это самое важное, что сделал следователь.

Новосибирское УКГБ назвало 1 445 расстрелянных в Колпашеве!

А 16 мая этого года начальник колпашевского горотдела КГБ передал списки колпашевцам, собравшимся на митинг памяти замученных в Нарымском окротделе НКВД — отныне митинг станет ежегодным.

Листал эти списки — и глазам не верил. Прошла трещина по фасаду Лубянки, вот тебе и незыблемая каменная громада! Но прошла, если уж быть точным, по краю, всей правды еще не видно...

По двум жутким по изуверству годам, году 1937-ому и 38-ому, только 14 дней отмечены как расстрельные. Неужели в остальные дни чекисты сидели без дела?

Так нет же, из многих десятков тех, кто был истреблен в Нарымском окротделе НКВД, о ком я знал и прежде, в списках отыскал лишь нескольких. Не нашел и фамилий белостокцев и их поделщиков. Помните? Те самые 47 человек. Последний для них день жизни 14.05.38 тоже не значится среди расстрельных...

Причем откликнулось только новосибирское УКГБ, а вот томское — в лице полковника В. А. Ремнякова — запомним и эту фамилию, народ должен знать не только своих героев — увернулся от следственного запроса. Кадров-де нет, чтобы поднять 15 000 уголовных дел...

А ведь кое-что и в Москву попало...

Жизнь идет своим чередом. На выборах президента РСФСР 70% слушателей новосибирской школы КГБ проголосовало за невесть откуда явившегося потливого фюрера Жириновского. Это то самое заведение, где прошел выучку колпашевский палач Сафрон Петрович Карпов и откуда был отправлен в 1937 г. в качестве «практиканта» (по его собственному выражению) в Колпашево. То была alma mater не только для чекиста Карпова, но и для многих других колпашевских убийц.

И гении заблуждаются: связь времен разорвать никому не дано.

И все-таки есть трещина, и ее не залатать. А откроется ли нам вся правда — от нас же и зависит. У каждого народа та история, которую этот народ заслуживает. Может быть и несправедливо это суждение, ранит больно. Но на мысли этой следует настаивать, если мы надеемся жить дальше. Если хотим, чтобы у истории этой было продолжение. Только из желания жить народ может вылепить свое будущее. Более вылепить его просто не из чего.

июнь 1991 г.

Р.Р.С. И вот грянули августовские события.

В конце июля как-то тихо и незаметно исчез в дыме Николо-Архангельского крематория 98-летний Лазарь Каганович — как и полагается нечистой силе. Осталась лишь горсть пепла, которую с бывлой большевистской конспиративностью свезли на Новодевичье кладбище. Но уже тогда почудилось: это знак вещей, с последним из упырей большевизма вот-вот уйдет окончательно вся их подлая и страшная эпоха.

И вслед — этот странный, на бездарный фарс похожий путч бывших комсомольских работников, генералов, бомбопроизводителей и председателей колхозов — словно бы обманутых кем-то, кто остался в тени, словно бы

спровоцированных на это нелепое, преждевременное выступление в еще неголодное время...

За неделю страна взорвалась переменами, на которые не могла решиться два года.

Неужели — все? неужели с коммунизмом покончено навсегда?

Поразительная страна — Россия!

Кто бы мог подумать еще неделю назад, что т. Крючков, так и не успев достроить новый загородный особняк в Жаворонках, где можно было всласть посадовничать на пенсии, угодит в государственные преступники? что в одночасье молодежь оскопит Лубянскую площадь, вырвав десятилетия там торчавший на страже режима «Железного Феликса»? что одним росчерком пера т. Ельцин отберет у КГБ архивы? и что председателем Комитета вдруг станет душечка т. Бакатин?

Вот-вот офицеры КГБ услышат долгожданный приказ — стать людьми.

Но самое поразительное, что искореняется коммунизм руками все тех же коммунистов — вчерашних и сегодняшних. И снова они, не очень-то терзаясь угрызениями совести, намерены шествовать во главе прогресса.

Хорошо бы вкусу победы остаться сладким...

И все-таки радостно видеть, как исцеляется от страха замордованный великий народ, как просыпается в нем чувство человеческого достоинства, как обретает он свободу — которая всегда с нами. Если юноши с голыми руками готовы выйти против танков — силы жить дальше у народа все-таки есть.

Что ж, осталась самая малость — исцелиться от привитого обыкновения ненавидеть мир вокруг нас.

август 1991 г.